

Катерина Файн

Немимора  
*пьеса в двух действиях*

Санкт-Петербург, 2007

*Действующие лица:*

**СОЛНЦЕВА** – стройная темноволосая женщина, преуспевающая бизнес-вумен  
**КАПА** – ее подруга, архитектор

### **Первое действие**

*Обыкновенный провинциальный городок – не слишком большой, но и не маленький. Ранняя осень, еще тепло. Вечер. Двор заброшенного дома. Посередине детская площадка: качели, карусели, горка, скамейка под грибом. На облупившемся фасаде здания растяжка с надписью «Sale». Звучит музыка. Появляется Солнцева. На ней длинное дорогое пальто нараспашку, мини-юбка, замшевые сапоги. В руках сумочка. Солнцева слоняется из стороны в сторону, время от времени задирает голову, вглядывается, набирает номер мобильного телефона. Три раза – всё тщетно. Наконец дозванивается.*

**С о л н ц е в а.** Ну, ты вообще где? Я уже час во дворе торчу! Что? Плохо слышно. Пробки? Откуда пробки?! Вылезай, иди пешком. Я уже есть хочу! Все! Пока.

*Солнцева садится под гриб, закуривает. Появляется Капа. Одетая в короткий полушубок, светлые джинсы, на голове – несурзанный «бабушкин» платок.*

**К а п а.** Ох! Пробки жуткие. Еле добралась... (*садится под гриб, чмокает Солнцеву в щеку*). Привет!

**С о л н ц е в а.** Наконец-то! Некоторые, между прочим, в трамваях ездят.

**К а п а.** Уж не ты ли?

**С о л н ц е в а.** Представь себе! У меня сегодня день несчастливый – две машины, и обе заглохли. А таксисту на первом же развороте вообще плохо стало...

**К а п а.** Ничего себе! Это у тебя такая энергетика?! Да... А я уж подумала, что ты уволила бухгалтера...

**С о л н ц е в а** (*в недоумении*). Почему уволила?

**К а п а** (*достает из сумки бутерброды, термос, наливает подруге чай*). Ну, я подумала, что ты уволила бухгалтера, и теперь некому выписывать тебе зарплату... Поэтому ты катаешься в трамвае.

**С о л н ц е в а.** Очень смешно. Бухгалтер, между прочим – половина моего успеха. Семь лет человек со мной.

**К а п а.** Да, это стаж! Некоторые и семи минут не выдерживают... Ну, ладно, ладно, шучу я... Погода-то какая – чудо!

**С о л н ц е в а** (*показывает на платок, смеется*). Чудо на твоей башке!

**К а п а.** Ой, это я из церкви бежала... (*снимает*).

**С о л н ц е в а.** Боже мой, Капочка, ты что, ходишь к заутрене?! Ты же атеистка!

**К а п а.** Иди ты, знаешь куда? Я в комиссии, объект принимала, ясно тебе? (*оглядывается, замечает надпись «Sale»*). А это что?

**С о л н ц е в а** (*поперхнувшись бутербродом*). Покупаю. Квартиру.

К а п а. Что покупаешь?

С о л н ц е в а. Квартиру.

К а п а. В этом доме?!

С о л н ц е в а. Да. А что? Могу я себе позволить...

К а п а (*перебивая*). Ну, теперь понятно, для чего ты меня вызывала... Кстати, откуда плакат? Дом не продается.

С о л н ц е в а. Надеюсь, главный архитектор города мне поможет?

К а п а. Я?! Знаешь, я могу только посочувствовать... Твоей больной голове!

С о л н ц е в а. Я в сочувствии не нуждаюсь.

К а п а. А в чем ты нуждаешься? В этой развалине? Солнышко, ты со своими капиталами всю улицу купить можешь. Зачем тебе эта помойка?

С о л н ц е в а (*достает из сумки коробочку, протягивает Капе*). Возьми.

К а п а (*извлекая браслет*). Это что, взятка?!

С о л н ц е в а. Это с днем рождения! «Картье». Ты только взгляни, какая роскошь!

К а п а. Да, угодить умеешь... Мерси, мон шер! Вкус у тебя отменный... (*надевает браслет, сверкающий бриллиантами*). Лепота! Во Францию каталась или здесь брала?

С о л н ц е в а (*язвительно*). Здесь! Ну, ты скажешь. В парижском бутике.

К а п а. И когда ты все успеваешь?

С о л н ц е в а. Ой, Капочка, тебе ли прибедняться?! Шубка-то, небось, не на рынке куплена.

К а п а (*передразнивая*). Не на рынке!

*Обе замолкают. Пауза. Солнцева опять закуривает сигарету.*

К а п а (*выдыхая*). Слушай, тебе что, квартир в городе мало? Ты напоминаешь мне капризного ребенка – дайте, я хочу! Самодурство. Дом в аварийном состоянии, идет под снос, квартира вместе с домом...

С о л н ц е в а. Значит, я куплю весь дом.

К а п а. Ты что, рехнулась? Весь дом! Ничего у тебя не получится. Здесь выстроят Диснейленд, и на этом все завершится.

С о л н ц е в а. Диснейленд? У нас в городе? Ой, не могу!.. Значит, я куплю Диснейленд.

К а п а. Солнышко, ну к чему тебе Диснейленд? Все эти качели, карусели – это так хлопотно... И потом: ты ведь никогда не имела дел с таким бизнесом!

С о л н ц е в а. Да плевать мне на твой Диснейленд! Я не хочу Диснейленд. Я квартиру хочу в этом доме. И, может быть, даже не одну!

К а п а. О, Господи!

С о л н ц е в а. Знаешь, я уже все придумала: это будет мой новый офис. Плюс – квартиры сотрудников. А что: встал, ехать никуда не надо – две минуты, и ты уже на работе! Удобно ведь, правда?

К а п а. Конечно! Только не здесь. В центре! Я подберу тебе шикарный дом в центре города.

С о л н ц е в а. А это, по-твоему, что – не центр?

К а п а. Это не самый центр. А я обязуюсь освободить тебе дом на площади. Квартал! Хочешь?

С о л н ц е в а. Нет. Не хочу.

К а п а. Ох, и сложно с тобой... Как ты дела делаешь – не пойму.

С о л н ц е в а. Капочка, а давай на площади Диснейленд откроем, а?

К а п а. Ты что, издеваешься?

С о л н ц е в а. Я предлагаю! Знаешь, я даже готова профинансировать его строительство. Частично, конечно... Обожаю Микки-Мауса!

Тебя поведет в ресторан  
представитель всемирного хаоса  
в костюме от Ив Сен Лоран  
и с ушами от Микки-Мауса...

К а п а. Дура ты! Если хочешь знать мое мнение – я вообще против Диснейленда в нашем городе.

С о л н ц е в а. Почему? Это ведь колоссальная прибыль!

К а п а. У тебя одна прибыль на уме. А то, что западная культура развращает наших детей – тебе начхать.

С о л н ц е в а. Ах, вон оно что! Патриотизм проснулся. Славянофильство. Ну, как же – заграничные куклы! Принять западных мышей – это не только ниже твоего достоинства, но и ниже всех твоих недостатков!

К а п а. У меня нет недостатков.

С о л н ц е в а. Конечно! Ты ведь у нас правильная – за горизонт не ходишь.

К а п а. Зато ты каждый день туда опускаешься. Солнышко наше.

С о л н ц е в а. Ты, Капочка, как была пионервожатой, так ею и осталась. Тебе еще барабан на шею.

К а п а. Слушай, Солнцева, ты, наверное, по секретарше своей соскучилась, да? Повоевать не с кем?

С о л н ц е в а. Очень соскучилась, очень! У меня, знаешь ли, секретарь с некоторых пор.

К а п а. Что ты говоришь? Молоденький?

С о л н ц е в а. Ага. Студент.

К а п а. И что, весь день с тобой работает?

С о л н ц е в а. Весь день, Капочка, весь день. И по вечерам тоже.

К а п а. Трудоголик... *(загадочно)*. Ну, а... на ночь ты его отпускаешь?

С о л н ц е в а. Не всегда. Ему до общаги полтора часа добираться... Вот куплю дом, предоставлю студенту жилплощадь...

К а п а. Боже мой, Солнцева, ну, я не знаю... *(вынимает из сумки песочные часы)*.

С о л н ц е в а. Что это?

К а п а. Это тебе. Презент. Ко дню конституции.

С о л н ц е в а *(берет часы)*. Оригинальный подарочек. Чувствуется философский подтекст... Ты даришь мне время?

К а п а. Я дарю тебе песок.

С о л н ц е в а. Ох уж это твои архитектурные штучки! А на восьмое марта что – кирпич дарить будешь? Спасибо, конечно. Но зачем? Я вижу его каждый день. У моего дома полно песка.

К а п а. Это другой песок.

С о л н ц е в а. Да брось ты! Песок везде одинаковый. *(пауза)*. А, кажется, я начинаю понимать... Это намек, да? Вообще-то, я не настолько стара. Взгляни! *(распахивает пальто, поднимает юбку)*. Никакого целлюлита! А личико, личико! Нет, ты посмотри, посмотри! На меня, между прочим, в маршрутках заглядываются.

К а п а. Ой, ну какие маршрутки? Чего ты врешь! Ты хоть помнишь, как они выглядят? Ты когда последний раз в маршрутке-то ездила? Десять лет назад? Ну, тогда, конечно...

С о л н ц е в а. Не десять, не десять. Пять. Ну, ведь ничего не изменилось, Капочка! Я ведь еще хорошенькая, правда?

К а п а. Хорошенькая. Характер скверный, а так – ничего. Замуж бы тебя выдать...

С о л н ц е в а. Только после тебя.

К а п а. Ну, нет! После меня ты уже была.

С о л н ц е в а. Ревнуешь бывшего мужа к бывшей жене?

К а п а. Чистякова к тебе? Ерунда какая. Вы и расписаны-то не были...

С о л н ц е в а. Не важно! Мы восемь лет вместе прожили.

К а п а. А мы – двенадцать. Ну и что?

С о л н ц е в а. И все равно ты ревнуешь. Только не ко мне, а к той, рыжей, с которой он в Австралию укатил!

К а п а. А мне кажется, у тебя больше поводов для ревности. Он ведь тебя бросил, ради той шлюхи.

С о л н ц е в а. Но сначала он бросил тебя. Ради меня.

К а п а. А, может, и правильно, что бросил. Все равно б ничего не вышло! Знаешь, в свои двадцать я думала, что я – единственная... В тридцать вспомнила, что есть еще ты. А в сорок сделала потрясающее открытие – мы все взаимозаменяемы... *(почти плачет)*.

С о л н ц е в а. Капочка, ну, не надо, слышишь, не надо... *(обнимает подругу)*. Ну, прости меня, прости...

К а п а. Я помню, как мы расстались: однажды я пришла к тебе, а там – Чистяков. Апельсины на кухне чистит – большие такие, рыжие, как та шлюха. А ты в постели лежишь, голая. А дальше, как в плохом сериале: я кричу, кричу... А ты лежишь молча. В потолок уставилась, и листья фикуса ногой пинаешь. Долго, минут сорок. А они – глянцевые – на солнце блестят... Ни словечка не сказала. А я, когда по лестнице вниз бежала, вдруг подумала: листья у того фикуса, как твоя ступня – тридцать седьмой размер... Самый ходовой, правда?

С о л н ц е в а. Капочка...

К а п а. В общем, с тех пор я ненавижу апельсины и фикусы.

С о л н ц е в а. Ну, чего вспоминать-то теперь?!

К а п а. Вспоминать?! А я и не забываю!

С о л н ц е в а. Ну, и напрасно. У тебя после Чистякова два романа было. Можно уже успокоиться.

К а п а (*отходит, начинает смеяться как бы в истерике*). Полтора! Полтора романа. Потап Алексеевич был женат! А-а-а... Кто бы меня учил! Умная! А хочешь, я объясню тебе разницу между нами всеми. Тремя! Со мной у Чистякова был театр. (*делает величественный жест*). Театр! С тобой – цирк. А с этой рыжей – зоопарк! Понимаешь?! По нисходящей! Лучшие свои вещи он написал при мне, и это было искусство. Но ему не хватало внешнего блеска, позолоченных рамок! Тогда он выбрал тебя. И началось – «искусство в массы». А потом, когда блески осыпались, фантазия иссякла, ему захотелось простого: натурально-первобытного. И тут...

С о л н ц е в а. Замолчи!

К а п а. А почему я должна молчать? (*достает из сумочки фотографию*). Согласись: у Чистякова все-таки есть вкус. Он же художник! Эта рыжая – очень даже ничего.

С о л н ц е в а (*ревностно*). Хочешь меня добить? С каких пор ты носишь ее в сумке?!

К а п а. Я ношу ее в книге. В качестве закладки. Мне Чистяков библиотеку оставил – десять томов Маяковского, там она и лежала. В стихотворении «Про это».

С о л н ц е в а. Ну, подруга... Не ожидала! Это ж надо – таскает фотку моей бывшей секретарши, этой рыжей суки, от которой я же и пострадала!

К а п а. Не горячись, солнышко!

С о л н ц е в а. Что?! Да ты... да ты... предательница, вот кто!

К а п а. Я предательница?! Какая наглость! А кто у меня мужа увел?

С о л н ц е в а. Он сам ушел. И вообще, это не повод! А, может, ты ее оправдываешь?!

К а п а. Я никого не оправдываю. И никого не виню... Я не горсуд!

С о л н ц е в а (*в ярости*). Неслыханно!

К а п а. Успокойся!

С о л н ц е в а. Какая же я идиотка! Всю жизнь доверяла ей самое-самое... И вот, на тебе!

К а п а. Если ты сейчас же не прекратишь истерику, я уйду!

С о л н ц е в а. Ой, да не жалко! Убирайся к черту! Забирай свой песок и отваливай! (*бросает песочные часы, они разбиваются*).

*Капа быстро уходит. Солнцева садится рядом с бывшими часами и начинает хныкать. Ее освещает луч прожектора. Она достает лист бумаги, разрывает пополам, собирает осколки в кулек.*

С о л н ц е в а (*вытаскивает мобильный, набирает номер, хлюпая носом*). Капитоша! Плохо мне... Вернись, а? У меня ведь никого нет, кроме тебя... Я больше не буду... Уже далеко? Ну, ничего... Я подожду... (*продолжает собирать осколки*).

*Появляется Капа.*

С о л н ц е в а. Прости меня, глупую! Не могла сдержаться... Нервы...

К а п а. Бог простит.

С о л н ц е в а. Знаешь, в жизни каждого есть человек, перед которым до сих пор стыдно. Несмотря на то, что ты много раз попросил у него прощения... *(показывая кулек с осколками)*. Вот... собрала...

К а п а. Выброси! Все равно не склеишь...

С о л н ц е в а. Эти нагрузки на работе меня доконают!

К а п а. Поезжай, отдохни.

С о л н ц е в а. Куда?

К а п а. Ну, не знаю... в Эмираты, на Кипр.

С о л н ц е в а. Ты на меня очень сердисься?

К а п а. Нет. Совсем не сержусь.

С о л н ц е в а. Капочка, милая, ты даже не представляешь – мне так одиноко!

К а п а. Сочувствую.

С о л н ц е в а. Ни родителей, ни мужа... Как думаешь: может, меня кто-нибудь удочерит?

К а п а. Ты что, Солнцева, не выпалась?!

С о л н ц е в а. Капитоша, удочери меня!

К а п а. Нет, дорогая, я уже с тобой намучилась.

С о л н ц е в а. Ну, хотя б на недельку... Слушай, а давай вместе куда-нибудь рванем! Дней на десять. На Мальдивы. Помнишь, как в Тунис ездили? Хорошо ведь было...

К а п а. У меня работа.

С о л н ц е в а. Да какая работа! Кабинет-объект? Поехали! Стены твои никуда не денутся. Отдохнешь, в море поплаваешь... Вон, бледная вся.

К а п а. Попроси своего студента.

С о л н ц е в а. Да причем здесь студент? Я с тобой хочу!

К а п а. Подлизываешься? Заманиваешь...

С о л н ц е в а. Ага, как же! Тебя заманишь.

К а п а. Некогда мне, правда.

С о л н ц е в а. Вот судьба... Когда было с кем ехать – денег не было. А теперь...

К а п а *(о своем)*. Грустно...

С о л н ц е в а. Грустно!

К а п а. Бросит ее Чистяков. Точно, бросит.

С о л н ц е в а. Опять ты про эту рыжую! Тебе-то что горевать? Не пойму.

К а п а. Из женской солидарности. Она умная. А умные – всегда в дураках.

С о л н ц е в а. Она?! Интересно... В чем же ее ум? В том, что трахалась с Чистяковым полгода, получала от меня зарплату, а потом слиняла? А я обо всем узнала, когда они приземлились в Сиднее?

К а п а. Она тебя очень ценила.

С о л н ц е в а. Слушай, Капа, может, тебе врача? По-моему, ты перегрелась. Давай наденем платочек... *(пытается завязать ей платок)*.

Капа. Да не нужен мне твой платок! (*швыряет платок*). Пойми, наконец: она просто тебя жалела! Жалела твои нервы. Боялась, что выкинешь, не дай Бог, какой-нибудь фортель.

Солнцева. Жалела?! Ты-то откуда знаешь?

Капа. Она звонила. Один раз. Из Австралии.

Солнцева. Охренеть! И ты ничего не сказала? Тоже опасалась за мои нервы? Ну, и о чем же вы беседовали?

Капа. О тебе.

Солнцева. Какой-то бред!

Капа. Она говорила, что многому у тебя научилась.

Солнцева. Правильно жарить картошку для Чистякова?

Капа. Зарабатывать деньги.

Солнцева. Кажется, я теряю рассудок... (*берет платок, повязывает вокруг головы*).

Капа. Знаешь, она сказала одну фразу, которая мне очень понравилась: если женщина ругает бывшую жену своего мужа – значит, ее муж кретин. Потому что несколько лет жил с идиоткой.

Солнцева. Ясно. Может тебе к ним присоединиться? Будет прекрасный тройственный союз.

Капа. Я-то тут причем?

Солнцева. Ну, раз эта дрянь тебе так нравится.

Капа. С чего ты взяла, что она мне нравится?

Солнцева. Ты нахваливаешь ее уже полчаса! А мне за это время ни одного доброго слова. Только пилишь!

Капа. Глупая ты.

Солнцева. Вот, я ж говорю: рыжая умная, а я дура!

Капа. Нет, ты тоже умная.

Солнцева. Ага, как же! Ты меня не любишь...

Капа. Неправда, я тебя очень люблю.

Солнцева. Не верю я тебе, не верю! А если любишь – тогда помоги мне купить этот дом!

Капа. Хватит уже про дом! Займись чем-нибудь нужным. Общественно полезным!

Солнцева (*громко*). Последние семь лет я только и делаю, что занимаюсь общественным! Не своим!

Капа. Ой, ну не надо сходить с ума, не надо орать, умоляю!

*Солнцева заходит в дом, выглядывает в окно – за окном висит сломанная водосточная труба.*

Солнцева (*говорит в трубу, приблизив ее к себе*). А знаешь ли ты, Капочка, что такое сумасшествие? Сумасшествие – это когда ты ревнуешь бывшего мужа. Причем не к нынешней жене, а бывшей.

Капа (*подходит к другому краю трубы, вполголоса*). Ты со своей ревностью всех затрахала. Утихни!



С о л н ц е в а (*усаживаясь на подоконник*). Злая ты. Бездушная. А я все равно дом куплю!

К а п а. Детский сад, честное слово.

С о л н ц е в а. Может быть. Я, кстати, не знаю, что такое детский сад. Я туда не ходила. У родителей денег не было. Я во дворе выросла... Дворовая девка. А, может, дворянка! Как думаешь?

Немимора, немимора,  
мы в саду поймали вора.

Стали думать и гадать,  
как же вора наказать.

Мы связали руки, ноги  
и пустили по дороге...

Вор шел, шел, шел,  
и корзиночку нашел.

В этой маленькой корзинке  
есть помада и духи,  
ленты, кружева, ботинки –  
что угодно для души?

К а п а. А я тебя понимаю. Тебе ведь не дом нужен, правда? Ты хочешь купить прошлое, и в этом твоя ошибка. Прошлое не продается!

С о л н ц е в а. Знаешь, Капочка, я всю свою жизнь занимаюсь бизнесом, и могу тебя разочаровать: в этом мире покупается и продается абсолютно все! Включая те чувства, которые ты называешь любовью.

К а п а. И все-таки, я очень надеюсь, что ты не права... Полагаю, что когда-нибудь ты передумаешь.

С о л н ц е в а. Я бы сама желала обмануться... Но, скорее всего, этот путь самый верный. Просто мы с тобой в детстве разные книжки читали. Ты – сказки, а я учебники по экономике.

*Солнцева слезает с подоконника, переходит в следующее окно.*

С о л н ц е в а. Кстати, об учебниках... Здесь жила Клара, помнишь? Наша классная дама – Клара Николаевна. Николаевна-Нидвораевна... Прогрессивная революционерка, Клара Цеткин. Все время повторяла: «Ни мира, ни мора...». Такая толстая. Мы все ждали: когда же она родит? Но она не рожала. Она ходила по квартире, вдавливая нас в стены. У нее было красное платье в мелкий горох, обвислая грудь, почти что выпадающая из одежды, и мокрое полотенце на голове... Заслуженная училка страны воспитывала чужих детей, а со своими так и не справилась...

К а п а. А мне ее жаль.

С о л н ц е в а. Мне тоже. Собственная дочь выставила старуху за дверь... Николаевна-Нидвораевна... Когда она умерла (*переходит в другое окно*), дядя Леша строгал ей гроб и никак не мог уловить размер. Он был плотником, помнишь? И мы дразнили его...

К а п а. Железный Дровосек.

С о л н ц е в а (*вытаскивает деревянную куклу*). У него была железная нога, горбчатый нос и очень сильные руки. Когда он подбрасывал меня вверх и ловил, я всегда уставала быстрее, чем он... Целый день Дровосек что-то выпиливал, высверливал, и в нашей квартире всегда пахло стружкой...

К а п а. Из которой ты клеила себе парик. Вследствие чего, у нас пахло еще и «Моментом».

С о л н ц е в а (*переходит в другое окно, достает парик из стружки, надевает*). Мне так нравилось его носить!

К а п а. Ага, это потому что запах клея тебя впирает... Токсикоманка! Ты еще вспомни, как забор красила!

С о л н ц е в а. А что?

К а п а. Ничего. Просто ты делала это каждый день в течение месяца. Паря своих родителей, что подбираешь цвета путем смешивания. Елена Гуро. Футуристка!

С о л н ц е в а. Между прочим, я тогда неплохо рисовала...

К а п а. А я и не спорю.

С о л н ц е в а (*вздыхает*). Надо было поступать к вам, в Архитектурный... Построила б себе домик...

К а п а. А то у тебя, бедняжки, домика нет.

С о л н ц е в а. Есть. Но ведь это твой проект... (*пауза*). Впрочем, я довольна!

К а п а. Еще бы!

С о л н ц е в а. А здесь жила ты. (*переходит в другое окно*). Помнишь? А как мама тебя называла?

К а п а. Ой, не надо, не надо...

С о л н ц е в а. Капуша... Ты и сейчас – капуша. А как в пионеры тебя принимали в этой комнате? Весь класс прибежал... А ты болела... Кажется, ветрянкой?

К а п а. Ангиной.

С о л н ц е в а. Ангиной. (*достает пионерский галстук, повязывает у себя на шею*). Перед лицом своих товарищей торжественно обещаю: горячо любить свою Родину, жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия Советского Союза... А через семь лет ты выходила замуж... И давала совсем другие обещания. И вот из этого самого окна бросала прекрасный, девственно-белый невестин букет... (*достает букет, обвязывает его галстуком, бросает*).

К а п а (*поймав цветы*). Да, а ты его не поймала. Ты и бросать-то не умеешь.

С о л н ц е в а. Почему это?

К а п а. Опыта нет. Надо спиной вставать. Но тебе простительно.

С о л н ц е в а. Отчего такая милость?

К а п а. Оттого что ты, моя дорогая, никогда не была невестой.

*Долгая пауза. Солнцева явно обижена.*

С о л н ц е в а. Вот обидеть человека ничего не стоит. А помочь... (*спускается вниз*).

К а п а. Помочь? Ты вспомни, кто тебе брачные объявления таскал! После Чистяковского побега.

С о л н ц е в а. Хороша помощь.

К а п а. На тот момент тебя все устраивало. Ты хоть и активная, но сама-то никуда не ходишь. Привыкла, что все на блюдечке... Даже мужа готового получила – с навыками семейной жизни!

С о л н ц е в а. Некогда мне по агентствам блядским шататься!

К а п а. А в интернете развлекаться – на сайтах знакомств людей обнадеживать – время есть? Как там твоего последнего звали? Фидель47?

С о л н ц е в а. Феникс.

К а п а. Ах, Феникс! Ну, это меняет дело...

С о л н ц е в а. Дура.

К а п а. Ну, вот что ты за человек? Ничего не ценишь!

С о л н ц е в а. Ценю! Еще как. Но и цену себе тоже знаю.

К а п а. Ясно. Ладно, пойду я.

С о л н ц е в а. Куда это?

К а п а. Работать.

С о л н ц е в а. А я?!

К а п а. Это твое дело. Хочешь – оставайся.

С о л н ц е в а. Одна?

К а п а. А тебе свита нужна?

С о л н ц е в а. Свита – нет. А ты нужна.

К а п а. Странно... Нечасто такое случается.

С о л н ц е в а. Мне выпить не с кем...

К а п а (*в крайнем обалдении*). Чего?!

С о л н ц е в а. Ну, водки выпить... Не могу одна – и все. А хочется...

К а п а. И давно это с тобой?

С о л н ц е в а. Да не то чтобы... (*вынимает бутылку*). Может, за день рождения хотя бы?

К а п а. Что, прямо здесь?!

С о л н ц е в а. Ну, да. А тебе не нравится пейзаж?

К а п а. Нет, мне нравится, просто я думала...

С о л н ц е в а. Ага, что мы пойдем в ресторан. Нет, не пойдем. Я, видишь ли, в ресторанах веду себя неприлично. Поэтому будем пить... (*озирается*) о! прямо тут! (*садится под гриб, наливает себе и Капе*).

К а п а (*пристраивается рядом, несколько пренебрежительно*). Даже студенткой во дворах не выпивала!

С о л н ц е в а. Это правильно. А теперь пора взрослеть. За тебя! (*пьет*).

К а п а. Да уж, выросла... (*тоже пьет*).

С о л н ц е в а. Ой, хорошо... Ну, рассказывай... (*вынимает мандарин, чистит, половину отдает подруге*).

К а п а. О чем?

С о л н ц е в а. О чем хочешь. Как живешь.

К а п а. Да ты и так все знаешь.

С о л н ц е в а. А я в трезвом виде реагирую неадекватно. А когда выпью – сразу могу дать нужный совет.

К а п а. Ты себе его дай, совет свой.

С о л н ц е в а. Слушай, Капа! Ты явно не расположена к духовной беседе *(наливает)*. Некрасиво.

К а п а. По-моему, ты хочешь нажраться.

С о л н ц е в а. Ну, не так, чтобы очень...

К а п а. Но почему обязательно в мой день рождения?! Дождись своего, там и нажирайся.

С о л н ц е в а *(жуёт)*. У меня еще не скоро... Расслабься.

К а п а. Как же, расслабишься тут... Мне еще тебя до дома тащить.

С о л н ц е в а. Не заморачивайся. Я секретаря позову.

К а п а. Если телефон вспомнишь. Закусывай, закусывай... *(пихает ей в рот мандарин)*.

С о л н ц е в а. А скажи-ка мне, Капочка, чего ты хочешь?

К а п а. Что ты имеешь в виду?

С о л н ц е в а. Ну, вообще... в жизни. Денег, власти, признания?

К а п а. Ничего не хочу. У меня все есть.

С о л н ц е в а. Так не бывает. Человек обязательно должен чего-то хотеть. Вот, я, например... Хочу купить этот дом...

К а п а. Да забодала ты с этим домом!

С о л н ц е в а. Ну, хорошо, хорошо, не буду. А ты чего хочешь?

К а п а. Хочу, чтобы моя подруга хоть чуть-чуть умом разжилась!

С о л н ц е в а. Похвально. А если серьезно?

К а п а. Понятия не имею.

С о л н ц е в а. Ну, подумай, Капочка...

К а п а. Не знаю... Деньги у меня есть. Власть тоже...

С о л н ц е в а. Ну?

К а п а. Наверное, построить что-нибудь эдакое...

С о л н ц е в а. Какое?

К а п а. Что-нибудь оригинальное. Как Хундертвассер или Гауди.

С о л н ц е в а. В обтекаемых стенах?

К а п а. Например.

С о л н ц е в а. С разноцветными окнами?

К а п а. Тебя что-то смущает?

С о л н ц е в а. Ничего. Просто не функционально. Глазу любопытно, а жить невозможно.

К а п а. Это ты так думаешь. Потому что не жила в таком доме.

С о л н ц е в а. А ты жила?

К а п а. Конечно. В Каза Мила.

С о л н ц е в а. Ну, и как, понравилось?

К а п а. Очень. *(выпивает)*. Это одна из первых командировок в Испанию. Мы тогда с Чистяковым ездили...

С о л н ц е в а. Ясно. Какая уж тут архитектура.

К а п а. Неправда. Мы были в Храме Святого Семейства, во дворце Гуэль, в музее Пикассо, видели памятник Колумбу...

С о л н ц е в а. А мы с Чистяковым в круиз ездили! По Средиземному морю. Два раза.

К а п а. Поздравляю. Что-нибудь запомнилось?

С о л н ц е в а. Ага. Как из койки не вылезали.

К а п а. Ах, солнце, солнце, где ж твоя духовность?

С о л н ц е в а. Там же, где и твоя.

*Раздается звонок мобильного телефона. Капа снимает трубку.*

К а п а. Але! Да, я. Горит?! Ты что, издеваешься?! Але! Але! *(Солнцевой)*. Трубку повесила...

С о л н ц е в а. Что-то случилось?

К а п а *(набирает номер)*. Соседка сказала, мой дом горит! Пожарных вызвали.

С о л н ц е в а. Ха! Прикалывается! Шутит.

К а п а. А если нет? *(в трубку)*. Але! Маша! Разыгрываешь меня?.. *(Солнцевой)*.

Опять повесила. Да еще обматерила.

С о л н ц е в а. А она вообще интеллигентная?

К а п а. Крайне. Доктор наук.

С о л н ц е в а. Плохо дело. Если интеллигентная дама ругается матом – точно горит.

К а п а. Господи, за что мне?! Все. Побежала...

С о л н ц е в а. Я с тобой!

К а п а. Куда?! Протрезвей сперва! Вот тебе визитка – вызовешь такси. Пока!

*Капа убегает. Солнцева выпивает в одиночестве. Потом достает зеркальце, долго смотрит. Звучит музыка.*

С о л н ц е в а. Вот уродина! Зачем напилась?! Кикимора! *(смеется)*. Умора! Немимора! Где ж подружка твоя, девочка? Вечная девочка... Где удача твоя, где любовь?! А ведь желали все – на открытках весенних надписывали. А ты уголочек откусывала, проглатывала и мечтала, что будешь счастлива... В небо глядела, а там – поезда перелетные, провода сизокрылые... Не шумите, да не шумимы будете... А девочка выросла, и теперь бретель от бетеля отличает... Внутрь второе, первое на плече поправить, умная. Ключик в замке вращает. Входит, садится. А к ней – люди – в дверях горбятся... А у нее – часики – тик-так – японские, и машина – би-би – новая. А в шкафу вешалки кончились – платье повесить не на что... Так чего ж ей не спится-то, дурочке? Занавески роскошные, шелковые и рубашка в ночной горошек... А за окнами – кошки орудие, самоходные... Одиночество? Не смешите! Берeditь бесконечность... Снежные руки... А как же без снега? В Австралии – солнце. А здесь – вранье... Тоскующий пьет до дна. Чужая походка за хлебом и водкой... Девочка-точка, упавшая из письма... *(ложится, засыпает. Затемнение)*.

## Второе действие

*Утро следующего дня. На скамейке под грибом мирно поживает Солнцева – вместо подушки сумка, сверху накинуто пальто, вид крайне непрезентабельный. Где-то в кармане звонит мобильный. Пока она просыпается, зевает, соображает – звонок прекращается. В течение нескольких минут Солнцева пытается очнуться, потом достает телефон, набирает «неотвеченный вызов».*

**С о л н ц е в а** (*хриплым голосом*). Але! Капитош, это я... Я?... Во дворе... Не, я тут спала... На скамейке... Ну, не жарко, конечно... (*встрепенувшись*). Как сторел?! Что – весь?! Проводка? Тебе же недавно меняли! Обалдеть... Ну, не реви, не реви... Бери такси, приезжай!

*Солнцева спокойна. То ли с перепоя, то ли от сознания своих безграничных возможностей... Она ложится, засыпает. Звучит музыка – радужные сны Солнцевой; девушка улыбается, что-то шепчет во сне. Появляется Капа – уставшая, неспавшая, на щеке сажка. Подходит к подружке, садится рядом. Солнцева просыпается.*

**К а п а**. Под новый год меня обокрали... Помнишь? Вынесли все, что можно. Даже трюмо прихватили. Я потом неделю в доме спать не могла, всюду чужие руки видела – как они роют в шкафах, выворачивают ящики письменного стола, снимают книги... Ужас! Что я тогда пережила... Никому не понять. В утешение себе говорила: скажи спасибо, что хоть стены остались! А теперь вот... даже стен у меня нет... Я на дом полжизни копила... Тогда еще в «Генплане» работала, трудно было. Занимала...

**С о л н ц е в а** (*подымаясь, сочувственно*). Приляг. Не спала ведь...

**К а п а**. Не спала. Ревела всю ночь...

**С о л н ц е в а** (*обнимая подругу*). Капитошик, милый, мы все исправим, вот увидишь! Главное, с тобой все в порядке...

**К а п а**. Что? Что исправим?!

**С о л н ц е в а**. Купим тебе новый дом! Я лично этим займусь.

**К а п а**. Да дело не в новом доме, как ты меня не слышишь?! Я – главный архитектор города, солнышко, мне дадут любой дом, квартиру, все, что угодно! Легко, без проблем.

**С о л н ц е в а**. Ничего не понимаю.

**К а п а**. Мне тот дом не вернуть. Никогда. Ясно тебе? Это крах. Это пожар моей жизни. Это не стены горели, это я горела...

**С о л н ц е в а**. Что ты несешь?!

**К а п а**. То, что ты слышишь!

**С о л н ц е в а**. Я не хочу слушать, про то, как ты горела. Пускай даже образно.

**К а п а**. А каких речей ты ждешь?! В этом доме я была счастлива, черт возьми! Очень счастлива. Девять лет. С Чистяковым. Как бы противно тебе это не было. Мы три года мучились в коммуналке (*показывает на дом за спиной*) с моими

родителями в одной комнате, за ширмой, потом, наконец, купили дом! Зимнюю дачу. С садом, с колодцем. Я лично сажала деревья и ухаживала за цветами. Там трудов моих – на сто жизней хватит!

С о л н ц е в а. Я понимаю твоё возбуждение...

К а п а. Ни хрена ты не понимаешь! Потому что сука и дрянь! Ты счастье мое угробила!

С о л н ц е в а. Капочка, хорошая, успокойся...

К а п а. Счастье заслужить надо, выходить, а не рвать, как цветы на поляне руками грязными... *(ревет)*.

С о л н ц е в а *(тихо)*. Я не рвала...

К а п а. Да, действительно. Ты сразу пошла и все вытоптала!

С о л н ц е в а. Капитош...

К а п а. Да иди ты... знаешь куда?

С о л н ц е в а. Знаю. Я мигом!

*Солнцева убегает. Звучит музыка. Возможно, песня Андрея Макаревича «Три окна». Капа достаёт из сумки маленький домик из папье-маше, ставит на скамейку, долго разглядывает. Появляется Солнцева с бутылкой вина. Музыка резко обрывается. Капа загоразживает домик руками, как бы защищая от Солнцевой.*

С о л н ц е в а. Капа...

К а п а. Принесла? Открывай!

*Пока Солнцева возится со штопором, открывает бутылку, Капа убирает домик.*

С о л н ц е в а *(разливает вино в пластмассовые стаканчики)*. Ну, что?

К а п а. Ничего! *(выпивает не чокаясь)*.

С о л н ц е в а. Хороший тост. Своевременный.

К а п а. А за что пить?

С о л н ц е в а. За нас. За наше будущее. За наше прошлое... Временами оно было не таким уж мрачным...

К а п а. За прошлое... У меня нет прошлого... с некоторых пор. И будущего нет. *(пауза)*. Все время эту кражу вспоминала. Я тогда из-за писем его больше, чем из-за шмоток страдала: три из них в одном конверте лежало, конверт – в шкатулке, а шкатулка – в трюме...

С о л н ц е в а. А иголка – в яйце, а яйцо – в серой утке, а утка в ларце, а ларец на дубе...

К а п а. Да, в былые времена я бы тоже посмеялась...

С о л н ц е в а. Прости... Ты их перечитывала?

К а п а. Очень часто... После той истории завела сейф. Маленький такой, под столом. Для писем и драгоценностей... Меня уверяли, что он несгораемый. Обманули. Видимо, несгораемым бывает только космический корабль.

С о л н ц е в а. Наверное, дело не в письмах... Вернее, я хотела сказать – в чем-то еще...

К а п а. Конечно. В музыке, воздухе, жестах, в его рисунках... В теплой траве, скошенной перед дождем, в спелых осенних яблоках, в перечеркнутых черновиках. В детских мечтах, которым так и не суждено воплотиться, в глупых взрослых поступках... В сумерках, медной монетке, на счастье брошенной, в сладких арбузных пальцах и разбитой посуде... А еще – в линии жизни на левой руке...

С о л н ц е в а (*обнимает Капу*). Капочка...

К а п а. Ничего не осталось. Ни-че-го... Все сгорело. Все! (*ревет*).

С о л н ц е в а. Ну, не надо так, не надо... Успокойся.

К а п а. Не могу... Три пожарных вызывали, воды не хватило. Всю ночь тушили. Даже забор сгорел... И баня соседская... Полыхало так, что из соседнего района огонь видели...

С о л н ц е в а. Все будет хорошо, обещаю! Ты мне веришь?

К а п а. Не знаю, чему может верить человек, у которого вместо дома одни руины. Зола...

С о л н ц е в а. Ты же сильная. Сама говорила: главное, что все живы.

К а п а. Для кого живы, для чего?!

С о л н ц е в а. Да что за глупые вопросы? Прямо диалектика Гегеля! Давай левую руку, сейчас все узнаем!

К а п а. Чего?!

С о л н ц е в а. Ну, ты же сказала – линия жизни... А кто лучше меня разбирается в линиях?

*Солнцева достаёт платок, повязывает вокруг головы. Звучит цыганская музыка, Солнцева танцует.*

С о л н ц е в а (*берет руку подруги*). Ах, краса моя ненаглядная, позолоти ручку, всю правду скажу...

К а п а. Ты что, Солнцева, совсем рехнулась?

С о л н ц е в а (*вошла в образ*). Не обижай гадалку, деточка, дай монетку...

К а п а (*лезет в сумку, достаёт десять рублей*). Господи...

С о л н ц е в а (*засовывает деньги в лифчик*). Ай, спасибо, бриллиантовая! Ну, слушай... Линия жизни твоя – ровная, широкая, непрерывная. Так что небо тебе коптит еще лет сорок, как минимум... Подумай, чем в старости займешься. Может, странствовать будешь. Тем более что линия Луны у тебя длинная – это признак удачных путешествий по суше и морю, а линия счастья с надрезами. Это выносливость и здоровье. Кроме того, от нее идут ветви на холм Юпитера – почет и уважение. А вот холм Венеры – большой, выпуклый, а значит в любви ты капризная, непостоянная. Теперь пояс Венеры – четкая двойная линия, видишь? Сильное влечение к мужчинам, темперамент неумеренный и крайне похотливый...

К а п а (*убирает руку*). Ладно, спасибо.

С о л н ц е в а. Куда убираешь?! Не все сказала, главного не сказала!



Капа. Хватит балаган устраивать! Опыты на мне ставить.

Солнцева (снимает платок). Ну, хватит, так хватит. Я свое отработала... (достаёт из лифчика деньги, кладет в сумку).

Капа. Тебе бы на вокзалах трудиться...

Солнцева (подкрашивает губы помадой). А ты, Капочка, еще не все про меня знаешь. Я с вокзалов бизнес начинала.

Капа. Какой бизнес?

Солнцева. Психологический.

Капа. Самое время острить.

Солнцева. Отнюдь. Пока ты в «Генплане» карьерно росла, я полы в магазине мыла. А потом плюнула, и меня осенило: неужели я, девушка с высшим образованием, ничего лучшего для себя не найду? И пошла на вокзал. Гадалкой.

Капа. Ну и денек...

Солнцева. Поработала недельки три, посмотрела – вроде получается с людьми общаться. И решила свою фирму открыть.

Капа. А почему раньше про вокзал молчала?

Солнцева. Господи, Капа, расслабься! Я ж не проституцией занималась. Ну, не сказала...

Капа. Как все легко... Нет, то, что с нуля твоя фирма – я знала. Но то, что после вокзала... Молодец, конечно. Сама, без блата...

Солнцева. Да что я? Команда единомышленников!

Капа. Команда... Команда – это когда ты и еще кто-то... Минимум двое. Тогда есть, на кого положиться, и есть, с кем поделиться...

Солнцева. Да. И есть, с кем поругаться.

Капа. Но ведь без этого не бывает общения.

Солнцева. Хочешь сказать, что тебе положиться не на кого?

Капа. Почти.

Солнцева. «Почти» означает, что кто-то все-таки есть. Значит, и взаимный интерес тоже существует.

Капа. Вряд ли... Никому я не нужна.

Солнцева. Ой, чушь какая!

Капа. Знаешь, я пришла к страшному выводу: если до сорока ты не замужем, то после сорока начинаешь быть нужной только родителям.

Солнцева. Неправда! Ты людям нужна. Городу. Ты мне нужна.

Капа. Ах, солнышко, как это все банально! Сама-то веришь тому, что сказала?

Солнцева. Верю. Хотя, за всех, конечно, отвечать не могу. Но за себя ручаюсь.

Капа. Почему все меня бросают?

Солнцева. Ну, не все. Вспомни Потапа своего, Алексеича. Сама от него сбежала.

Капа. О! Это вообще шизуха была. Во-первых, у него жена, дети и даже внуки. А во-вторых, он ужасный эгоист и скряга. Если дарил книги, то всегда оставлял внутри чеки. Чтобы я точно знала, сколько стоит мое образование.

Солнцева. Круто! Но не умно.

К а п а. А мне-то как раз показалось, что он очень умный... Начитанный. Но потом я поняла: не начитанный, а налистанный!

С о л н ц е в а. Это как?

К а п а. Ну, книжки не читает, а листает. Перелистывает! Быстро и в больших количествах. По верхам скачет. Вначале создается ощущение глубины, а чуть капнешь – пустота... А однажды утром на мой вопрос «Куда ты так рано?», он ответил: «Твой тариф "ночной", детка». После этого мы расстались. Странный человек. Мы даже в кафе ни разу не были, не то, что в ресторане...

С о л н ц е в а. Ну, тогда я вообще не понимаю, какого черта ты с ним связалась!

К а п а. Но с кем-то мне надо общаться. Ты ведь со своим Фениксом тоже не от хорошей жизни познакомилась.

С о л н ц е в а. Феникс добрый... Хотел сделать меня счастливой. Искренне стремился помочь.

К а п а. Помочь практикующему психологу?!

С о л н ц е в а. Ну, да. Советом, участием...

К а п а. Ха-ха! Это все равно, что советовать кондитеру, каким ромом пропитывать торт.

С о л н ц е в а. Себя со стороны сложнее увидеть.

К а п а. Да, да... Кстати, что-то мне тортика захотелось.

С о л н ц е в а. С утра?!

К а п а. А что? Выпивать – пожалуйста, а сладкое – ни-ни?

С о л н ц е в а. Да не против я вовсе! Моя любовь к тебе безгранична. Я принесу самый лучший тортик!

К а п а. Со сбитыми сливками, пожалуйста! Тогда уж и чай захвати. Где мой термос? *(находит, отдает Солнцевой)*. Возьми!

*Солнцева исчезает. Звучит музыка. Капа поднимается в дом, бродит вдоль окон, мелькая то в одном, то в другом. Достает платок, завязывает на конце узел, одевает на голову как фату, танцует. Появляется Солнцева с тортом.*

К а п а *(не переставая танцевать)*. Представляешь, а я до сих пор помню наизусть его телефон. Телефон его родителей: 27-43-23. Отсюда я набирала его тысячу девяносто пять раз! Три года умножить на триста шестьдесят пять дней. Мы звонили им каждый день. Они жили возле театра в отдельной квартире, но ни разу не пригласили к себе погостить... Парадокс...

С о л н ц е в а. Слушай, Капа, долго мы еще здесь торчать будем? Второй день уже. А у меня работа, между прочим! Люди ждут, волнуются... Пока в магазине стояла – пять раз секретарь звонил. Я потом телефон отключила.

К а п а. А мне пофиг! Все равно идти некуда... *(пауза)*. А чего же ты своему секретарю не ответила? Он еще больше нервничать будет.

С о л н ц е в а. А что я скажу? Сажу во дворе бывшего дома – выпиваю на скамейке?!

К а п а. А что здесь такого? Подумаешь...

С о л н ц е в а. А если бы твой секретарь позвонил? Ты бы ответила?

К а п а. Конечно.

С о л н ц е в а. Ну, да! А на утро статья в газете – истинное лицо главного архитектора.

К а п а. Плохо о людях думаешь... Да не заморачивайся ты! Надо тебе – иди. А я останусь.

С о л н ц е в а. Ну, вот еще! Я с тобой. А секретарю sms кину... (*пишет sms*).

К а п а (*задумчиво, все еще мелькая в окне*). А ты помнишь зеленого бегемота?

С о л н ц е в а. Какого бегемота?

К а п а. Моего любимого.

С о л н ц е в а. А! Того, которого ты состряпала из маминого халата?

К а п а. Ну, да...

С о л н ц е в а. Конечно, помню. Страшный такой. Десять сантиметров абсолютно новой трикотажной ткани, сшитой через край черными нитками. Внутри поролон.

К а п а. Вата. Внутри была вата... А где он жил, знаешь?

С о л н ц е в а. У тебя в комнате.

К а п а. Ну, если учесть, что у меня не было своей комнаты... Он жил в столе. В письменном столе. В ящике. Я достала оттуда тетради и построила ему домик – нарисовала кровать, телевизор, диван, книжную полку, обеденный стол, холодильник... Вся домашняя утварь была плоской, а бегемот – объемным. Понимаешь?

С о л н ц е в а. Ну и что?

К а п а. Ничего... Временами мне кажется, что этот бегемот – я: маленький, глупый, беспомощный... Я – объемная, а вокруг все плоское, ненастоящее... (*пауза*). А потом, на Новый год, ты подарила мне крохотную елку... Пластмассовую, такого же грязно-зеленого цвета, как мой бегемот.

С о л н ц е в а. Да, это я лучше всего запомнила. Мне бабуля тогда чуть голову не снесла.

К а п а. Так вот. Елку я приклеила в ящик. Посреди квартиры моего бегемота. Это была единственная елка у нас в доме... Удивительно, правда? Вокруг нищета советская, а чувство гармонии, счастья все равно оставалось...

С о л н ц е в а. Потому что это детство. А с высоты прожитых лет – детство всегда счастье. Ну, или почти всегда... Во всяком случае, это время, когда не думаешь матом.

К а п а. Пожалуй, ты права.

С о л н ц е в а. А мне почему-то другое из детства вспомнилось...

К а п а (*спускаясь вниз*). Что?

С о л н ц е в а. Как-то летом в соседний обувной магазин привезли босоножки. Серые, неудобные фабрики «Скороход». И наши мамы побежали их покупать. Отстояли гигантскую очередь – все, как положено. Два ремешка, полное отсутствие каблучков, зато прочные, хоть в космос запускать. Целых три сезона мы разгуливали в одинаковых босоножках – ты и я. Помнишь?

К а п а. Конечно, помню. Эти жуткие босоножки были последними в моей жизни. С тех пор я их не ношу. Только туфли. Даже в жару.

С о л н ц е в а. Это плохо. И, как ни странно, с психологической точки зрения в первую очередь.

К а п а. Почему?

С о л н ц е в а. Потому что пока ты не купишь босоножки, и не научишься комфортно себя в них чувствовать – будешь бегемотом.

К а п а. В смысле?!

С о л н ц е в а. Будешь жить в ящике письменного стола с пластмассовой елкой. Одна.

К а п а. Я не хочу одна.

С о л н ц е в а. Тогда иди в магазин.

К а п а. Зачем?!

С о л н ц е в а. Ну, я же сказала – за босоножками.

К а п а. Вот еще!

С о л н ц е в а. Понимаешь, Капочка, когда у человека случается несчастье, ему нужно отвлечься. Сконцентрироваться на чем-то другом. Для женщины оптимальный вариант – устроить себе шопинг.

К а п а. Да какие босоножки – зима скоро! Вот наступит лето...

С о л н ц е в а. ...и будет поздно. А сейчас распродажа. Иди.

К а п а. Ты что, предлагаешь брать первые попавшиеся?! Просто ради самой покупки?

С о л н ц е в а. Ну, конечно нет! Я предлагаю брать самые модные, дорогие и красивые (*лезет в сумку, достает деньги, протягивает Капе*).

К а п а. С ума сошла?! Я не возьму!

С о л н ц е в а. Когда мне понравилась итальянская сумка, и не хватало денег, я у тебя взяла. Бери!

К а п а (*берет деньги*). Ну, хорошо... А если я куплю, а на следующий сезон не смогу носить – что тогда?

С о л н ц е в а. Тогда ты их выбросишь в окно!

К а п а. Ага, сейчас! Я в них дома ходить буду.

С о л н ц е в а. Очень хорошо, вместо тапочек. Иди!

К а п а. А куда я пойду?

С о л н ц е в а. В тот же магазин.

К а п а. Неужели, он еще существует?..

С о л н ц е в а. По счастью – да. Наверное, твои коллеги запретили его сносить... Иди. Удачи!

*Капа уходит в полном недоумении, так и не поняв, зачем она это делает. Звучит музыка. Солнцева поднимается в дом, бродит, мелькая в окнах. Потом садится возле одного из них, мечтательно смотрит вдаль... Появляется Капа с большим пакетом.*

С о л н ц е в а (*очнувшись*). О, сейчас примерим! Обожаю разглядывать новые шмотки! (*спускается*). Надевай!

К а п а. Хочешь упасть?

С о л н ц е в а. А что – немодные? Типа «как у бабушки»?

К а п а. Модные. То, что надо. Каблук, стеклярус, пряжка... Очень дорогие. Спасибо тебе.

С о л н ц е в а. Ну, так показывай, не томи уже!

К а п а. Я не про обувь.

С о л н ц е в а. А про что?

К а п а. Не знаю, как и сказать...

С о л н ц е в а. Да уж как есть.

К а п а. Мне Чистяков звонил.

С о л н ц е в а (*после паузы*). Что, из Австралии?

К а п а. Нет.

С о л н ц е в а. Интересно... Неужели с Галапагосских островов, которыми он бредил всю жизнь?

К а п а. Он вернулся.

С о л н ц е в а. Куда?!

К а п а. Сюда, в Россию.

С о л н ц е в а. Я понимаю, что в Россию. Но куда? В пустоту? Насколько мне известно, когда они уезжали – продали все. Рыжая – комнату в коммуналке, Чистяков – родительские апартаменты. Так что жить ему негде!

К а п а. В подробности отъезда и приезда меня не посвящали. Если хочешь – позвони, узнай. Он сейчас в аэропорту.

С о л н ц е в а (*с пафосом*). Потрясающе! Он в аэропорту! А рыжая?

К а п а. Рыжая осталась. Кажется, она его бросила.

С о л н ц е в а. Недолго музыка играла... Кажется, или бросила?

К а п а. Бросила. Попользовалась и выбросила. Проще говоря, рыжей не хватало денег на новую жизнь, и она раскрутила Чистякова. Поскольку всегда понимала, что на выручку с ее комнатухи долго в Австралии не протянуть.

С о л н ц е в а. Да, лоханулся Чистяков...

К а п а. Еще как!

С о л н ц е в а. Ну, и прекрасно! Отличный ему урок. (*пауза*). Ну, что молчишь?

К а п а. Жалко мне Чистякова, вот и молчу.

С о л н ц е в а. А меня не жалко?

К а п а. Опять?

С о л н ц е в а. Да, опять!

К а п а. Прости, я в таком тоне не могу. У меня своих забот хватает.

С о л н ц е в а. У меня тоже. И вообще, с какой стати я буду переживать за Чистякова?! Он не пропадет. Я лучше за тебя переживать буду... Слушай, а может, ты просто хочешь к нему вернуться?

К а п а. Я?! Да ты что! После всего, что было? После тебя, после рыжей...

Спасибо, я объедками не питаюсь!

С о л н ц е в а. Ну, и напрасно. Я, как психолог, тебя информирую: как раз-таки «после всего» ваш союз может быть очень долговременным.

К а п а. В секунд-хэнде одеваются только малообеспеченные слои населения. А здесь уже даже не секунд.

С о л н ц е в а. Ой, какие мы брезгливые!

К а п а. А почему я?! Ты ведь тоже одинокая. Вот и пригрей Чистякова, солнышко! Тем более что однажды тебе это удалось.

С о л н ц е в а. Ну, уж нет! Я себе что-нибудь полегче найду. И никаких художников! А ты упускаешь свой шанс. Чистяков – проверенный вариант. А новый муж – еще неизвестно, что получится.

К а п а. Ты бредишь? Не буду я с Чистяковым жить! Делать мне больше нечего.

С о л н ц е в а. Не хочешь босоножки носить, не хочешь свободной быть от комплексов своих, предрассудков, да?

К а п а. Я вообще не понимаю, чего ты добиваешься. Причем здесь комплексы? Не вернешь прошлого, не войдешь дважды...

С о л н ц е в а. Смотри: скоро не то, что дважды, рядом постоять не успеешь.

К а п а. Опять все по кругу? До первой Солнцевой?

С о л н ц е в а. А может, он тебя любит. Заметь – не мне позвонил, тебе!

К а п а. Да, любит. Но это ничего не меняет.

С о л н ц е в а. Ну, как хочешь. Меня Чистяков сейчас меньше всего заботит. Я вот дом покупаю...

К а п а. Ну, ты и впрямь безумная! Я про дом уже все сказала. *(пауза)*. Хотя... Если тебе так дороги эти стены, давай купим дом для Чистякова. Раз жить ему негде.

С о л н ц е в а. Класс! Новый поворот сюжета. Ты же говорила, что покупка невозможна. Что здесь Диснейленд построят!

К а п а. Ну... все обсуждаемо...

С о л н ц е в а. Ага, значит, для Чистякова – обсуждаемо, а для меня – нет?!

К а п а. Ты что ревнуешь?

С о л н ц е в а. Чего?!

К а п а. А что? Хорошая мысль. И дом сохраним, и доброе дело сделаем. Человеку поможем.

С о л н ц е в а. А с каких пирогов? Нет, я не участвую, извини! Я дом для себя покупаю, если покупаю вообще. Какой смысл любоваться чужими окнами? И потом: этот человек палец о палец не ударил, чтобы что-то сделать для себя, для других в плане жилья. Вспомни свой дом сгоревший: ты одна его тащила!

К а п а. Ну, во-первых, не забывай – мы жили тогда вместе. А значит, имущество было общим.

С о л н ц е в а. Если ты думаешь, что я не знаю, как ты из долгов выкручивалась, как дачу бабушкину продавала, все эти комбинации-махинации, в результате которых бабуля вообще без крыши над головой осталась, и ты вынуждена была взять ее к себе – ошибаешься!

К а п а. А причем здесь Чистяков?

С о л н ц е в а. Чистяков имел роскошную родительскую квартиру в центре города. Трехкомнатную! И если бы он только захотел, вы бы так не мучились!

К а п а. Он просто боялся потревожить свою маму... Она писатель, ей нужен покой, тишина...

С о л н ц е в а. Ой, писатель упаду сейчас! Да какой она писатель?! Журналист.

К а п а. А журналисту по-твоему писать не нужно?

С о л н ц е в а. Ладно. Все ясно. Квартирный вопрос испортил не только москвичей.

К а п а. Можно подумать, в твоей жизни не было квартирных вопросов!

С о л н ц е в а. Были. Но речь идет о Чистякове. В моем случае, он вообще пришел на все готовое. А рыжей просто повезло: к ее появлению родители уже умерли, поэтому ей не стоило большого труда обработать Чистякова на предмет продажи.

К а п а. Хорошо, какое резюме?

С о л н ц е в а. Обыкновенное. Я покупаю дом для себя. Или для тебя. Мне все равно.

К а п а. Мне не нужен дом, мне квартиру дадут. И тебе не нужен. А Чистякову – нужен!

С о л н ц е в а. Нужен – не нужен... С какой стати ты решаешь?!

*У Капы звонит мобильный.*

К а п а. Але! Да, я... Спасибо... Спасибо... Я запомню. Гостиница «Советская», номер триста пятьдесят девять. Люкс. Хорошо. Обязательно. Всего доброго. *(убирает телефон в сумку)*. Придется пожить в гостинице...

С о л н ц е в а. А почему не у меня? Зачем тебе казенная мебель?

К а п а. Да мне не важно, какая мебель. Уже не важно... Меня и дома-то не бывает. Я на работе с утра до ночи.

С о л н ц е в а. Тем более. Я тоже на работе.

К а п а. Спасибо за приглашение. Я подумаю.

С о л н ц е в а. Нет, если я тебе надоела, мы можем даже не встречаться. Ты же помнишь – у меня в доме два входа: северный и южный. Будем заходить с разных сторон. Ты вообще меня не увидишь. И не услышишь. Я тихая.

К а п а. Да знаю я про все твои входы-выходы.

С о л н ц е в а. А, может, все-таки на Мальдивы?

К а п а. Ну, какие Мальдивы, солнышко? Столько событий, да еще Чистяков свалился.

С о л н ц е в а. Чистяков не маленький, устроится.

К а п а. Где устроится?

С о л н ц е в а. Да где угодно! У друзей поживет. Потом женится на очередной дуре со всеми удобствами. Перекантуется.

К а п а. Легко тебе говорить.

С о л н ц е в а. Ну что ты с ним носишься, как наседка? Ты что ему – мать, жена, сестра? О себе подумай. Тем более что жить с ним не собираешься.

К а п а. Не собираюсь. Но помочь могу.

С о л н ц е в а. Ты себе помоги, альтруистка! У тебя кроме номера в «Советской» ничего нет!

К а п а. А у Чистякова даже этого может не быть.

С о л н ц е в а. Господи, ну что ты за человек? Тебя вообще помогать просили?

К а п а. Впрямую – нет.

С о л н ц е в а. Ну, так какого лешего ты рвешься всех осчастливить?!

К а п а. Во-первых, не всех, а исключительно близких людей.

С о л н ц е в а. Близких?! Тебе Чистяков близкий человек?

К а п а. А тебе нет?

С о л н ц е в а. Может, я чего-то не уловила, но, по-моему, после всех его выкрутасов...

К а п а. А после твоих выкрутасов? Как я должна к тебе относиться? Бить морду?

С о л н ц е в а. Но... мы же подруги.

К а п а. Подруги... Жаль, ты так до сих пор ничего и не поняла.

С о л н ц е в а. А что я должна была понять?

К а п а. Невозможно жить для себя. Просто, по определению. Потому что нет смысла. Скучно.

С о л н ц е в а. Ах, вот оно что! Может, тебе вместо меня на работу выйти? С лекцией о всеобщей любви. У меня как раз группа эгоистов собирается. Умопомрачительное зрелище!

К а п а. Очень остроумно.

С о л н ц е в а. Прости, но людей ты совсем не знаешь. Ты закрылась от них в своем кабинете, обложила проектами их новых домов, и общаешься исключительно по электронной почте. В крайнем случае, по телефону. Поэтому тебе легко рассуждать. А люди в большинстве своем – подонки, мерзавцы и сволочи! Глупые, слабые твари... Чего уставилась?! Не надо мне про любовь к ближнему! Человечество не готово к твоей любви, ясно?! Рылом не вышло! Они отлично устроились без твоей самоотдачи. Узколобые граждане отупевшей страны. Дом, семья, карьера, любовница. Им бы еще в зеркало не смотреть, чтобы научиться не видеть собственных глаз. Тяжело себе в глаза-то... Ну, ничего, поможем. У нас ведь бизнес! Так что, Капочка, рекомендую любить человечество на расстоянии. Мир неменяем, разве непонятно?! А чтобы искренне верить в человечество, надо, чтобы эту веру разделяли другие. Потому что вера, которую никто не разделяет, называется шизофренией.

К а п а. Зачем ты все время кричишь?! Кто научил тебя так мыслить? Неужели я такая одна?!

С о л н ц е в а. Слишком много вопросов. Такая – одна.

К а п а. А Чистяков?

С о л н ц е в а. Чистяков... Маловольный! Почти малохольный. Кто поманит, тот и друг. Психология дурака. А дурак – не только тот, кто не может создать ничего путного, но и тот, кто не способен сделать ничего шелапутного. В искусстве, разумеется, которое для него всегда было выше жизни.

К а п а. Разве он ничего не сделал?!

С о л н ц е в а. Ну, как же, сделал! Разукрасил французскую занавеску в моей спальне. Нарисовал солнышко.

К а п а. Вот видишь!

С о л н ц е в а. Чистяков – всего лишь часть, нелепая, бессмысленная часть сумасшедшего дома. Ничуть не лучше остальных. Но мне он дорог, как память...

К а п а. А я?



С о л н ц е в а. А ты – редкое исключение, цветок на болоте... Поэтому не лезь, пожалуйста, в мою грязную профессию. Кажется, я не учу тебя строить дома.

*У Солнцевой звонит телефон.*

С о л н ц е в а. Але! Ну, здравствуй... Поздравляю. Долго жить будешь – мы как раз тебя вспоминали... Как Австралия? Нет, помочь ничем не могу... *(звонит еще один телефон)*. Извини! *(в другую трубку)*. Да! Очень хорошо... Машины починили? Если не починят через полчаса – уволю всю бригаду! А чем они там занимаются?! Черте что! Крепкий чай без сахара, бутерброд с икрой и книгу Вуди Аллена. Пока! *(убирает телефон)*. «Люди делятся на плохих и хороших. Хорошие спят лучше, зато плохие получают больше удовольствия в часы, свободные ото сна». Так говорил Вуди Аллен. Пора! Все эгоисты в сборе. Завтра принесу документы на покупку дома. Подписи губернатора и твоих замов уже будут. Не прощаюсь! *(уходит)*.

К а п а. Спасибо, солнышко. Вуди Аллен – наша лучшая таблетка... «Человечество стоит на распутье между смертельным отчаянием и полнейшим вымиранием. Будем надеяться, что интуитивно мы сделаем правильный выбор»...

*Капа садится, достает из пакета коробку, из коробки босоножки, надевает. Они оказываются разными! Одна – модная, красивая, на каблуке, вторая – страшная, эпохи советского застоя. Капа тихонько плачет. Затем берет старую босоножку и со всей силы швыряет в дом. Звук битого стекла, тихая музыка. Потом снимает другую, новую босоножку, и тоже швыряет. Музыка становится громче, Капа затыкает уши. Через минуту дом рушится... На сцену выбегают персонажи мультфильмов Диснея – Микки-Маус, Плуто, Гуффи, Дональд Дак – танцуют.*

Занавес